

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1945—1953 гг. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрены актуальные вопросы истории повседневности в современной российской историографии: проблемы теории, концептуализации понятия «повседневность», применение новых методологических подходов. Проанализированы основные тенденции развития данного историографического направления применительно к послевоенному периоду советской истории. Обозначен круг вопросов, требующих дальнейшего более пристального исследования.

The article considers with actual issues of history of everyday life in contemporary Russian historiography: problems of theory, conceptualization of the «everyday life» notion and application of new methodological approaches. The main trends of the present historiographic area are analyzed in regard to post-war period of Soviet history. A range of issues which require further scrutiny is determined.

Ключевые слова: понятие «повседневность», российская историография, методологический подход.

Keywords: the concept of «everyday life», the Russian historiography, the methodological approaches.

Истории повседневности как одному из направлений в российской историографии чуть более двадцати лет. За прошедшее время оно не только приобрело сторонников среди профессиональных историков, но и породило вокруг себя немало споров. Появление данного историографического направления связано с формированием нового подхода в 1960—70-х гг. в странах Западной Европы и США, получившего название «историко-антропологического поворота», основанного на методе осмысления социокультурных стереотипов, ориентирующегося на методологические установки культурной антропологии с перспективой полидисциплинарного синтеза при исследовании культурно-исторически детерминированного человека, взятого во всех жизненных обстоятельствах [31, с. 8]. История повседневности стремится рассматривать людей прошлого в качестве акторов, обладающих собственными целями и стратегиями, в отличие от постулатов «традиционной» макроори-

Прыцаў Дзмітрый Аляксандравіч — аспірант кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

ентированной истории, где господствуют умозрительные схемы и построения, а низшие слои общества представляются «безмолвующей» анонимной массой [35, с. 14]. Кризис «тотальных» теорий, базирующихся на основе позитивистской парадигмы, стремящихся к всеобъемлющей интерпретации исторического процесса, был связан в российской историографии, прежде всего, с кризисом эвристических возможностей марксизма в его советской интерпретации, считавших повседневность отдельных людей той областью, которую можно проигнорировать, привел в конце 1980-х гг. к пониманию среди ряда специалистов о необходимости обращения к новым подходам постижения прошлого [31, с. 7—8]. Известный советский историк М. А. Барг назвал перемены, происходившие в научном арсенале исторической науки, связанные с ослаблением идеологического контроля со стороны власти, возможностью обсуждения и применения новых подходов и концепций в исторических исследованиях историографической революцией [5, с. 45; 31, с. 19].

Одной из характерных тенденций российской историографии первой половины 1990-х гг. следует признать заметное расширение спектра исследований, постановку новых проблем и стремление к обновлению методологического аппарата [19, с. 86]. Тем не менее, несмотря на довольно интенсивную разработку в рамках нового подхода, исследователи столкнулись с проблемой концептуализации понятия «повседневность». Данный термин стал использоваться с начала 1990-х гг. исследователями по всеобщей истории, которые, объединившись вокруг А. Я. Гуревича и Ю. Л. Бессмертного, организовали несколько исторических изданий, таких как альманах «Одиссей» и ежегодник «Казус». Они вывели на первый план рассмотрение обычного существования прошлых поколений, стратегии их выживания, привычки повседневности в быту, на работе, отдыхе, празднике, ритуалы общения и способы их идентификации [30, с. 23]. Схожих взглядов на «повседневность» придерживается И. Б. Орлов, М. Р. Стругова [27, 33].

Е. Ю. Зубкова, С. В. Журавлев, А. К. Соколов, И. В. Кометчиков склонны интерпретировать понятие «повседневность» в качестве сознания людей, преломляющегося сквозь обыденность исследуемых эпох [9; 13; 16; 22]. По представлениям М. М. Крома, главным для историка должно быть постижение повседневных забот, тревог, надежд отдельных людей, необходимо пытаться увидеть их мир «изнутри», понять смысл или смыслы, которыми они его наполняли» [18, с. 8].

Несколько иначе понимает «повседневность» Н. Б. Лебина. В монографии «Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии.

1920—1930-е годы» исследователь рассматривает данную категорию как комплекс взаимодействия нормативного и девиантного (отклонения от нормы) в духовной и материальной сферах, обусловленный не столько властными решениями, способными инициировать общественные преобразования, сколько протеканием социально-экономических процессов. Автор приходит к выводу о том, что определенное сочетание властной инициативы, специфики повседневной жизни с характерными для нее глубинными процессами и универсальными тенденциями, характерными при формировании человека индустриального общества, определили уникальность мировоззрения советских людей о норме и патологии [20, с. 298; 21, с. 14—15, 20—25]. С подобной трактовкой категорически не согласен А. С. Сенявский, подчеркивающий некорректность сведения всей полноты и многообразия городской жизни к социально ущербным, маргинальным или патологическим проявлениям. Подобное определение «повседневности», на взгляд исследователя, отражает абсолютизацию отдельных аспектов городской жизни, выдаваемых за саму ее суть и полноту [32, с. 29]. Тогда как «повседневность», по мнению историка, есть, прежде всего, сфера «микроуровня» истории, в которой как в голограмме проявляется вся совокупность общественных отношений, включая мета- и макроуровни [32, с. 26].

В то же время определение «повседневности», сочетающее разные уровни протекания исторического процесса, начиная от взгляда на историю сквозь призму отдельных людей и заканчивая реконструкцией масштабных глобальных общественных процессов, нередко приводит к формулировке расплывчатых дефиниций. Так, Ю. А. Поляков интерпретирует «повседневность» в качестве суммы миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком прошлом, имеющих как общие черты, так и специфические, региональные, и, наконец, индивидуальные. Задача ученых, по его представлениям, заключается в рассмотрении образа их жизни в историческом разрезе, выявляя при этом общее и особенное, неизменное и новое [29, с. 125]. Схожих взглядов придерживается Ж. О. Абрегова, С. Д. Морозов [1, 26].

Вместе с тем часть исследователей относит к «повседневности» преимущественно материально-бытовую сторону обыденности. Наряду с этим подобный «бытовой детерминизм», уход в бытоописание представляется для некоторых из ученых крайне негативным, поскольку создает иллюзию абсолютного понимания постигаемой эпохи [14, 17, 18, с. 8—9]. Тем самым одной из особенностей истории повседневности в российской историографии в настоящее время является отсутствие про-

думанной концепции того, что собственно называется «повседневностью». Следует согласиться с теми из исследователей, кто считает, что универсального на все случаи жизни понятия «повседневность» просто не существует, данная конструкция довольно условна, возникая и приобретая очертания в зависимости от того, какие разграничения проводит ученый между сферами общественной жизни [14, 17, 18, с. 12].

В работах современных ученых была также проведена классификация исследовательского поля истории повседневности, состоящей из природных, социальных и ментальных объектов. К первым относят среду обитания человека, ко вторым — социальные процессы, к третьим — ценностные представления, культурные установки, стереотипы [4].

В историографии исследователи выделяют два принципиальных подхода, расставляющие основные концептуальные ориентиры истории повседневности. Первый из них рассматривает «повседневную деятельность», в которой доминирует элемент «повторяемости». Данный подход, в основе которого лежат идеи П. Боршейда, предполагает применение «статичной» концепции: ясное разделение социальных феноменов на повседневную и неповседневную жизнь. В то же время предусматривается определенная иерархия, в которой повседневность анализируется в качестве «предварительной стадии» рассмотрения неповседневных социальных практик, подчеркивающих прежде внимание к «структурам» общественных отношений, характерное для представленной предшествующей парадигмы исторического процесса [23, с. 82—83]. Второй «динамический» подход предполагает рассмотрение свойств исторических трансформаций «с производством и воспроизводством действительной жизни». В рамках данной концепции на первый план выходит реконструкция социальной практики людей, акцентирующая внимание на сопротивлении авторитетам или доминирующим историческим процессам [28, с. 19].

Близких, к указанным подходам, представлений при выделении подходов в исследовании истории повседневности придерживаются Н. Л. Пушкарева, Е. В. Банникова. Историки определяют в качестве первого подхода идеи, впервые выдвинутые Ф. Броделем и получившие в дальнейшем развитие в рамках двух поколений школы «Анналов», для которых сегодня характерно рассмотрение повседневности по преимуществу как ментальной сферы, выделение некоторого инварианта, неизменной величины, при помощи которой возможно отразить дихотомию между объективными (институциональными) и субъективными (общественными) факторами, показать взаимосвязь между образом

жизни людей, их бытом и совокупностью духовных установок и умственных практик. Схожих взглядов в советско-российской историографии на историю придерживались такие исследователи, как А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, Ю. М. Лотман. Второй подход базируется на идеях Х. Медика и А. Людке. В рамках которого обращаются к изучению «микроисторий» отдельных людей, носителей повседневных интересов, по средствам которых возможно увидеть проблемы культуры как способа понимания и обобщения повседневной жизни [4; 30, с. 14—20]. Вместе с тем данное выделение подходов и концепций является довольно условным, поскольку вопрос «что есть повседневность?» является открытым для каждого из исследователей.

Переходя к классификации исторических исследований по указанной проблематике, к первому подходу следует отнести работы Е. Ю. Зубковой, С. Ю. Мальшевой, А. А. Сальниковой, И. В. Кометчикова, О. В. Дружбы, Н. Б. Лебиной [7, 10, 12, 13, 16, 21, 24]. Так, монография Е. Ю. Зубковой «Общество и реформы 1945—1964» явилась одним из первых исследований в российской историографии, которые посвящены специально исследованию послевоенного общественного сознания, выполненной в рамках методологического подхода, относящегося к традициям французской школы «Анналов», в отличие от работ советского периода. Вывод, к которому приходит историк, свидетельствует о нежелании перемен как «сверху», так и «снизу». Функционирование системы ментальных ограничителей (культурных установок, стереотипов, образов и оценок) в советском социуме не позволяло кардинально переосмыслить действительность [10, с. 182—188]. Схожих представлений придерживается О. В. Дружба, характеризующая общественное сознание 1930—50-х гг. в качестве смешанного типа, соединяющего ментальные структуры как традиционного, так и индустриального общества [7, с. 145].

Н. В. Клековкина в исследовании «Новации и традиции в рамках советской повседневности» исходит из представления о плотно обступающей человека повседневности, уяснить же механизм ее функционирования, по мнению исследователя, можно только основываясь на информации о человеке, находящейся внутри его. Отталкиваясь от данных постулатов, автор рассматривает в качестве наиболее целесообразного использование в исследовании биографического подхода. Историк приходит к выводу о сложном синтезе, сочетавшем как новые элементы коммунистического воспитания, так и структуры традиционного общества, воплощенные в советском человеке [15, с. 142, 146].

Исследования О. Л. Лейбовича, А. М. Маркевича, А. К. Соколова принадлежат к «динамической» концепции истории повседневности [22; 25]. Необходимо отметить, что изыскания в рамках данного подхода зачастую относятся к исследованиям истории «снизу», где микроисторический подход позволил реконструировать жизнь «молчаливого» большинства народа [4]. В частности, в работе А. М. Маркевича и А. К. Соколова «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг.» рассмотрены повседневные практики, быт и мотивация рабочих на протяжении ста восемнадцати лет. Авторы, сочетая макро- и микроисторические подходы и проанализировав трансформацию социальных отношений в рабочей среде отдельного взятого предприятия, пришли к выводу о кризисе сталинской модели развития [25, с. 6, 333]. Постепенный отказ от принудительных мер и их замещение другими способами мотивации труда, по мнению исследователей, стал отправной точкой более успешного развития производства завода в последующем [25, с. 331—333]. Не менее примечательной является монография О. Л. Лейбовича «В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг.», в которой нашли отражение вопросы происходивших изменений в послевоенной повседневной жизни внутри советской элиты (крупные партийные и хозяйственные работники, представители интеллигенции) на примере Молотовской области, приведшие впоследствии, по мнению историка, к трансформации всего общественно-политического уклада страны [22].

До сегодняшнего дня остаются относительно малоисследованными проблемы материально-бытовой культуры, вопросы туризма и сервиса, демографии, брачно-семейных отношений и семейной политики. Данной проблематике посвящены работы О. Н. Туриянова, А. Н. Араловца, О. А. Голубевой, В. Б. Жиромской [3, 8, 6, 34].

В монографии В. А. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы» анализируется «повседневность» сквозь призму прагматических усилий индивида, направленных на удовлетворение его биологических, социальных и духовных потребностей, преобразующих условия его существования [2, с. 8]. Так, исследователь сосредотачивает внимание на социальных практиках советских писателей в указанный период.

Проблемы послевоенной творческой жизни нашли отражение и в монографии Г. А. Янковской «Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма». На основе сочетания как идей институ-

ционального подхода, так и социологических воззрений П. Бурдые автор исследования рассматривает протекавшие процессы в культурной жизни как многоуровневое социальное пространство, в котором происходит постоянное взаимодействие различных акторов: критики, художников, публики, государственных инстанций, идеологического аппарата. Г. А. Янковская отмечает, что для послевоенной культурной жизни было характерно появление культуры «категорического согласия с бытием», для которой приоритетными становились ценности стабильности, комфорта, семейных традиций и повседневных радостей, постепенно в прошлое уходила футуристическая устремленность и революционный аскетизм. Одной из отличительных черт культурной жизни являлась ее забюрократизированность, вместе с тем в рамках дозволенного для художника оставалась возможность для социального маневра. В то же время художественное сообщество не являлось монолитным, конкурентная борьба за общественное признание и заказчика нередко выражалась в идеологических походах, доносах, в уличении антиобщественного поведения оппонентов [36, с. 46, 140—141, 232—236].

Таким образом, история повседневности в современной российской историографии развивается довольно интенсивно. Тем не менее необходимо отметить, что количество исторических исследований, посвященных послевоенному периоду 1945—1953 гг. СССР, существенно уступает числу работ, рассматривающих другие периоды советской истории, в особенности времени 1920—30-х гг. Проведение конференций, семинаров, круглых столов, публикации по проблемам теории истории повседневности как зарубежных, так и российских исследователей способствуют уточнению и конкретизации подходов и оценок, апробации результатов научных изысканий.

Вместе с тем увлеченность микроанализом таит угрозу «расщепления исторической реальности», фрагментирования истории, экстраполяции социальных практик локальных групп либо отдельных людей на широкие слои населения [32, с. 27]. Особенностью данного историографического направления является также отсутствие единства мнений среди исследователей относительно трактовки понятия «повседневность». Данное положение способствует обогащению исследований, например расширению тематического и проблемного полей, но в то же время назрела необходимость концептуализации данного понятия. Выделение подходов и концепций в рамках истории повседневности является довольно условным, поскольку каждый из исследователей определяет категорию «повседневности» исходя из собственных соображений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абрегова Ж. О.* Повседневность: сущность понятия // Вопросы теории и методологии истории : сб. науч. тр. / Совет исторического факультета, Редакционно-издательский совет АГУ; редкол. : Э. А. Шеуджен [и др.]. Майкоп, 2001. Вып. 3. С. 50—52.
2. *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М. : Молодая гвардия, 2005. 408 с.
3. *Араловец Н. А.* Разводы городских жителей РСФСР, 1946—1959 гг. // XX век в истории России: актуальные проблемы : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : РИО ПГСХА, 2007. С. 11—13.
4. *Банникова Е. В.* Повседневность как объект исторического исследования // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3. [Электронный ресурс]. <http://sisr.pkras.ru/issues/2011/3/bannikova.pdf>. Дата доступа : 04.04.2012.
5. *Барг М. А.* Индивид — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45—57.
6. *Голубева О. А.* Российский туризм в 1920—1970-х годах: система организации и управления // Вестн. Челябинского гос. ун-та. История. Вып. 40. 2010. № 15 (196). С. 68—75.
7. *Дружба О. В.* Проблема войны в сознании советского общества 30—50-х гг. XX в.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления. Ростов н/Д : ДГТУ, 2006. 169 с.
8. *Жиромская В. Б.* «Бэби-Бум» и «Бэби-Спад»: к вопросу о демографической компенсации в России после Великой Отечественной войны // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. : сб. науч. статей : в 2 ч., ГОУВПО «МГУС». М., 2006. Ч. I. С. 10—24.
9. *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 287—332.
10. *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека. 1945—1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99—108.
11. *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945—1964. М. : ИЦ «Россия молодая», 1993. 200 с.
12. *Зубкова Е. Ю.* Общество, вышедшее из войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90—100.
13. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
14. *Ильясова А. В.* «История повседневности» в современной российской историографии // Родная история [Электронный ресурс]. <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istoriografiya/Istoriya-povsednevnosti-v-sovremennoie-rossiieskoie-istoriografii.html>. Дата доступа : 18.04.2012.
15. *Клековкина Н. В.* Новации и традиции в рамках советской повседневности // Человек в российской повседневности: история и современность : сб. статей II Междунар. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСХА. Пенза : РИО ПГСХА, 2009. С. 142—146.
16. *Кометчиков И. В.* Крестьянство и власть в 1945—1953 гг.: общественно-политическая жизнь и повседневность: по материалам областей Центрального Нечерноземья РСФСР : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Калуга, 2005. 304 с.
17. *Крам М. М.* Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XX, 2003. С. 179—202.
18. *Крам М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности : сб. науч. работ. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. Вып. 3 : Источник. Историк. История. 208 с.

19. *Куприянов А. И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996. № 4. С. 86—99.
20. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева» — Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. 320 с.
21. *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. 2-е изд., испр. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2008. 444 с.
22. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. 2-е изд., испр. М. : РОССПЭН, 2008. 295 с.
23. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 77—100.
24. *Мальшева С. Ю., Сальникова А. А.* Стиль жизни университетского человека в Казани: XX век // Социальная история. Ежегодник, 2008. СПб. : Алетейя, 2009. С. 89—110.
25. *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. М. : РОССПЭН, 2005. 368 с.
26. *Морозов С. Д.* История российской повседневности — актуальное направление научных исследований // Человек в российской повседневности: история и современность. Междунар. науч.-практ. конф. : сб. статей / под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. Пенза : РИО ПГСХА, 2008. С. 3—9.
27. *Орлов И. Б.* История повседневности: смерть или новое рождение? // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 32—37.
28. *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 316 с.
29. *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности (исторические процессы) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 125—132.
30. *Пушкарева Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9—54.
31. *Репина Л. П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. II // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 7—38.
32. *Сенявский А. С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества : материалы междунар. интернет-конф., проходившей 20.03—14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditium.ru / под общ. ред. В. В. Кедрова. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. 416 с.
33. *Стругова М. Р.* Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945—1953 гг.): на примере Краснодарского края: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2007. 265 с.
34. *Туриянова О. Н.* Медицинское обслуживание городского населения Башкирской АССР после Великой Отечественной войны (1945—1953 гг.) // Человек в российской повседневности: история и современность : сб. статей II Междунар. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСХА. Пенза : РИО ПГСХА, 2009. С. 278—280.
35. *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. С. 7—26.
36. *Янковская Г. А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма : монография. Пермь : Перм. гос. ун-т. 312 с.

Артыкул паступиў у рэдакцыю 12 мая 2012 г.